

ПРИРОДА В ЖИЗНИ ПАУСТОВСКОГО

(К годовщине смерти 14 июля 1968 г.)

Придается все, лишь тебе не дано примелькаться.

Борис Пастернак.

И в жизни и в творчестве Константина Георгиевича Паустовского природа играла первостепенную роль. С детских лет она схватила его в свои цепкие объятия и не выпустила до конца его дней. Эта одержимость природой пугала его близких. «Когда я возвращался осенью в гимназию из Брянских лесов или из Крыма, у меня начиналась жестокая тоска по прожитому лету... Как я мог объяснить им, что в этом моем ощущении природы было нечто большее, чем удивление перед ее совершенством, что это было не бесцельное любование, а созерцание среды, без которой человеку нельзя работать в полную меру своих сил», пишет он.

В детстве он мечтал стать моряком, чтобы изъездить весь мир, видеть и знать, как можно больше, с как можно большим числом людей встречаться. Пока же все его воспитательные путешествия силою его воображения совершаются в четырех стенах комнаты.

Он много, но беспорядочно читает. Особенно его увлекают лоции капитанов, которые уводят его в точный мир морей всех широт и долгот.

С детских же лет он лелеет и другую мечту — стать писателем и начинает со стихов, но позже рвет все написанное «из за красоты». Он ищет такую форму, которая соединила бы окружающую его реальность с «выдумками», как он называет свои фантазии. «Мною владела одна страсть. Что случится дальше, я не знал. Я знал лишь одно — что буду стремиться к писательству всеми силами души. Буду стремиться к нему ради служения своему народу, ради любви к волшебному русскому языку и к удивительной нашей земле».

Всей своей жизнью он доказал, что никогда не изменил своему желанию, наоборот, с годами стал относиться к напи-

санному все строже, и строже. Ни неустроенность его жизни, ни холод, ни голод, которые выпали на его долю в избытке, не могли изменить его решения. В минуты, доходящие до отчаяния, стоило ему только поднять глаза и увидеть небо в восхитительном закате, услышать шелестящий шум переговаривающихся вверху деревьев, прислушаться к скромному журчанию бегущего меж камней ручейка или окунуться в бушующую стихию морских накатов, как душа его начинала петь.

Он готов колесить по всей матушке - Руси в самых примитивных условиях. «Я поселился бы в уголке любого товарного вагона и странствовал бы с ним. Какие прелестные дни я бы проводил на раз'ездах... я бы валялся около насыпи на теплой траве, пил бы чай с кондукторами на товарных площадках, покупал бы землянику у голенастых девчонок, купался бы в соседней речке, где прохладно цветут кувшинки. А потом в пути сидел бы, свесив ноги, в открытых дверях вагона; ветер от нагретой за день земли ударял бы в лицо, на поля ложились бы длинные, бегущие тени вагонов, и солнце, какой золотой щит, опускалось бы в мглистые дали русской равнины, в тысячеверстные дали и оставляло бы на догорающем небе винно - золотистый свой след».

При всех обстоятельствах своей жизни Паустовский живет одной жизнью с природой и при первой представившейся ему возможности, бежит из города в ее сладкие объятия. Семейные обстоятельства и большевистская революция выбросили его из привычных условий и жизнь пошла мотать его по широкому просторам страны. Вместе с «мешочниками», переходившими с места на место в поисках «хлебных» районов, Паустовский голодает и холодает на палубах пароходов, в тамбурах вагонов. Ночует на ящиках в промерзших насквозь складах или, завернувшись в большой ковер, пропахший

мышьями, в холодных комнатах, предоставляемых ему случайными встречаемыми, вымытая буханку хлеба на последнюю рубашку. Ничто не сломало его, и он смело шел по пути, назначенному ему жизнью, чтобы, накопив опыт, стать настоящим писателем.

«Так я накапливал наблюдения. Все это были факты внешнего мира, но они быстро становились частицами моей собственной внутренней жизни». Чем больше он видел, чем с большим количеством людей встречался, тем интереснее и, вместе с тем, таинственнее, становилась для него жизнь. С одним только он никогда не мог примириться — с человеческой жестокостью в соседстве с мирной и безмятежной природой. Только она одна могла успокоить его и настроить на возвышенные мысли и размышления.

«Я много писал и потому жил двойной жизнью», пишет он, «вымышленный мир захлестывал меня, и я не мог ему противиться... Я мог, например, часами описывать разнообразный блеск, где бы он ни присутствовал — в осколке бутылки, медном поручне на пароходном трапе, в оконных стеклах, ставкани, росе, парламентровой раковине и человеческом зрачке», и восклицает: «Что же делать, если без выдумок тоже нельзя жить!»

Но пока это была только проба пера. «Подлинное воображение требовало резкости, но это удавалось мне редко. Большой частью картины были расплывчатые».

Поселившись в первые годы революции в одной из пустующих, полуразрушенных дач, где постелью ему служат разостланные на полу, собранные на берегу моря, сухие водоросли, а пресную воду он добывает из вырывающегося из прибрежных камней родника в найденную на берегу консервную банку, он чувствует себя вполне счастливым. «Редко я испытывал такую полную свободу и сознание, что я вправе жить так, как хочу, что я целиком предоставлен себе, что я одновременно и Робинзон и отшельник и мне подчинено все мое время и все будущие дни».

Среди природы, без кото-

рой «нельзя работать в полную меру своих сил», он находит себя. Первую ночь на берегу Черного моря он провел в полубодряствовании, полусне. «Я закрывал глаза и, когда через мгновение открывал их, то синий полусвет уже заливал комнату... Должно быть приближался рассвет... Окончательное утро наступило, когда на перила балкона сел маленький «птичек» и сказал присвистывая: «Осы спят, осы спят, осы спят, ты не спи!.. и я увидел, как желтый хохолок на его голове загорелся, как пушистое пламя, от первого солнечного луча».

В своих странствиях он объездил юг, север и среднюю полосу России. Эта средняя полоса очаровала его своей скромной, неброской в глаза простотой, и он несколько раз возвращался туда. Скоро Мещерская сторона стала как бы его второй родиной. Там же в Тарусах на Оке он завещал похоронить себя.

В Севастополь он попал летом, когда над городом нависла жара. «Кажется, что кто-то невидимый осторожно налил ее во все севастопольские улицы и дворы до уровня черепичных крыш». Несмотря на изнуряющую жару и самый настоящий голод, который ему пришлось пережить, от его внизания не ускользало ничего. Прислушиваясь к тому, что делается на пристани, он записывает: «Снизу пришел сонный и медленный вздох моря».

Отсюда его перебрало во влажно - жаркий климат Кавказа, где громады гор и вытекающие из них бурные реки пленили его воображение. Очарован он был и своеобразной красотой этого края.

Как-то до вечера просидел он на берегу реки с удочкой, примечая и плывущие по воде листья, сворачивавшиеся в трубочку каждый раз, когда рыба клевала, и меняющийся цвет воды. Когда солнце было на закате, он поднял голову и непроизвольно вскрикнул от восторга: ледники отражали солнце и казались обгащенными кровью. «Я вскрикнул невольно и рассердился на себя за то, что не сдержался. Но слишком огромен был размах сгорающего неба, слишком загадочен был дым облаков и слишком

резок блеск льдов на вершине Маруха».

Его наблюдательность не знала границ и каждое явление природы находило отклик в его душе, вызывая своеобразные представления, которые он за поминал и позже точно передавал на страницы книг. Образность его языка никогда не была надумана, она до точности передавала только то, что он в тот момент ощущал.

Вечерняя тишина, наступающая при переходе дня к ночи в его представлении звучит так: «Тишина садилась к костру и долго смотрела, как подергивались сиреневым пеплом последние угли». Пепел у него не серый, а сиреневый от отсвета догорающих под ним углей. Капли летнего дождя он сравнивает с остывающим чаем. Другой раз, когда дождь загнал компанию в помещение, Паустовский, прислушиваясь к тому, что делается наружи, пишет: «Дождь, лупивший изо всей силы по стене, казалось участвовал в наших разговорах... мне начинало казаться что дождь подслушивает нас, перестукивая на старой пишущей машинке все, что мы говорим».

Увидя в горах выходящие из-под снега цветы эдельвейсов, Паустовский сравнивает их с маленькими звездами, закатанными по горло в белый мех, чтобы не замерзнуть от прикосновения льдов. Вырывающаяся на поверхность из гор река, вызывает в нем следующие представления: «За двенадцать километров к югу река Азанда снова вырывалась на поверхность пенным потоком и опрометью неслась, зажмурив глаза от внезапного солнца, к Черному морю». Нагромождения горных лесов он сравнивает с горами свежей травы, наваленной великанами. Увидя, как кавказцы на осликах развозят простоквашу, он пишет: «Они развозили свой товар по городу на черных и таких пыльных осликах, будто все прохождение долго вытирали о них ноги, как о половики».

О горных тенях: «Они крались к вершине, чтобы погасить свет».

Сочность и образность языка от соприкосновения с природой и общение с простыми русскими людьми. «Одно

обстоятельство вызывало у меня затаенную радость — приобщение к удивительному по своей образности и простоте народному языку». В деревне застала его весна.

«Снова нежная весна, как год назад, робко раскрывала почки, как маленькие и чуть липкие детские губы... А небо будто обрадовалось нашему пристальному вниманию и затеяло воздушную игру, пронося по зениту туманные покрывала разных слабых и блеклых красок — то сиреневой с оттенком севера, то оливковой, то розовой, как полудрагоценный камень».

Проходя со спутником по тропинке, он отмечает: «Мы шли, наслаждаясь лучами солнца, рывшимися в мокрой траве».

Среди природы Паустовскому не только легче дышется, но и пишется. Природа настроивает его на созерцание и дает ту образность языка, которой лишены горожане. Он пишет, что ни гимназия, ни университет не дали ему таких глубоких и захватывающих познаний, как странствия, встречи с людьми и соприкосновение с природой.

Как ни великолепно природа Кавказа, но его неудержимо тянет назад в Россию. Он возвращается в Москву и устраивается там на работу в РОСТА, но в скорости оттуда бежит, чтобы не зарыться казенным языком. «Отвращение к испорченному языку накапливалось давно и перешло в ненависть к нему», пишет он. И вот он опять среди природы. Только изведав прелесть странствий и перемену мест, поговорив со множеством людей, узнав их мысли, чаяния и надежды, после бесконечных размышлений и раздумий, Паустовский начинает писать по другому — проще и сдержаннее. Только теперь роль литературы становится ему вполне ясной.

«Я был уже уверен, что не поддельная литература — это самое чистое выражение вольного человеческого ума и сердца, что только в литературе человек открывается во всем своем богатстве и сложности духа... Я думаю, что повествование должно быть совершенно

свободным, дерзким, что един- жда изведать еще неизведан- ственный закон для него — это воля автора».

Природа не была бездушной для Паустовского. Не отделяя себя от нее, он ее очеловечивает. В его воображении она оживает, участвует в жизни людей. Для изображения ее он находит такие краски, слова и выражения, которые совершенно точно должны передать окружающий его мир, который читатель должен увидеть таким, каким видел его он сам.

Проболел долгое время, он едет на поправку в санаторий под Москву. Опять он среди природы. Замечает и отмечает своей памятью все, что происходит вокруг него. Его воображение поражает название речушки, протекающей тут — Вертушка. Вновь и вновь удивляется он образности народного русского языка. Речушка, действительно вертится, пролагая себе путь, «егозит», по выражению Паустовского.

Чем больше он странствует, чем больше видит и узнает, тем сильнее разгорается в нем жа-

Логунова, Н. А. Природа в жизни Паустовского (К годовщине со дня смерти 14 июля 1968 г.).

Газета "Русская жизнь". 1969